

**ДЕТЕКТИВ
СИЛЬНЫХ СТРАСТЕЙ**

ЧИТАЙТЕ ЧУВСТВЕННЫЕ
ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ БОЧАРОВОЙ

СКРИПАЧКА

СОЛО ДЛЯ ВЛЮБЛЕННЫХ

ВОЗЬМИ МЕНЯ С СОБОЙ

МОЙ СУЖЕНЫЙ, МОЙ РЯЖЕНЫЙ

РОМЕО ДОЛЖЕН ПОВЗРОСЛЕТЬ

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР ВСТРЕЧИ

ЖЕНЩИНА В ЛУННОМ СВЕТЕ

СПАСИ МЕНЯ, ПОЖАЛУЙСТА!

ДОМ БЕЗ ПРИВИДЕНИЙ

СТАРШАЯ ПОДРУГА

ЧЕРНОЕ ОБЛАКО ДУШИ

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ОШИБКА

ГЕРОЙ ЧУЖОГО РОМАНА

СЕМЕЙНАЯ ИДИЛЛИЯ

ТРЕФОВЫЙ ИНТЕРЕС

ВОССТАНИЕ ФЕНИКСА

КРУИЗ ПО КРАЮ АДА

ПЛАНЕТА ЛЖИ

ВО СНЕ И НАЯВУ

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

**ВО СНЕ
И НАЯВУ**

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б86

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *А. Дурасова*

Бочарова, Татьяна Александровна.

Б86 Во сне и наяву : роман / Татьяна Бочарова. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с.— (Детектив сильных страстей. Романы Т. Бочаровой).

ISBN 978-5-04-172195-4

Василиса встретила Толика в интернате для детей с заболеваниями опорно-двигательного аппарата и пропала. Девочка понимала, что парень с парализованными ногами просто использует ее, но ничего не могла с собой поделать. Когда они повзрослели и покинули интернат, ничего не изменилось — Василиса по-прежнему слепо любила и была готова ради него на все. Вместе они провернули немало грязных делишек, но девушку ничего не смущало, ведь любимый рядом! Но однажды он потребовал от нее невозможного, и она поняла, что придется сделать выбор...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172195-4

© Бочарова Т., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Серая мышка

1

Я не могу с точностью назвать то время, когда стала видеть свои сны, и не только видеть, но и запоминать — детально, обстоятельно, во всех красочных подробностях. Мне казалось, так было всегда: стоило закрыть глаза, и я словно перелетала в другой мир, фантастический, неведомый, полный удивительных предметов и незнакомых людей.

В этом мире существовали свои особенные звуки, цвета и даже запахи, в нем все подчинялось определенным логичным законам, но главное — центром этого мира была я! Я, именно я являлась основным действующим лицом, вступала в контакты с незнакомцами, по-хозяйски обращалась с вещами, названий которых не знала в обычной, реальной жизни.

Наша соседка по коммуналке, старуха Макаровна, которой я, за неимением других слушателей, приставилась рассказывать о своих удивительных сновидениях, утверждала, что причина всего — несчастный случай, произошедший со мной давным-давно, когда мне было четыре года от роду. Якобы я шла за ручку с матерью че-

рез дорогу, внезапно вырвалась и убежала вперед. Тут меня и настигла машина, выскочившая из-за поворота. Водитель успел сбавить газ, но полностью затормозить не смог — все случилось за считанные секунды. Бампер ударил мне по спине, я упала и потеряла сознание.

Далее, по словам Макаровой, меня отвезли в больницу, и мать всю ночь сидела в приемном отделении ни жива ни мертва, моля Бога, чтобы он сохранил мне жизнь. Макаровна так и говорила: «ни жива, ни мертва», а я пыталась представить себе мать, в слезах читающую молитву в темном больничном холле, — и не могла.

Перед глазами сразу вставала мрачная, нечесаная женщина, распухшая от водки, с лицом, перекошенным злостью, двойным подбородком и увесистыми кулаками, которые то и дело принимались дубасить по моей спине. Другой я мать не знала, а потому слушала прочувствованные рассказы соседки с неизменным интересом и тайной грустью.

Мне отчаянно хотелось вернуть время вспять, снова стать несмышленной малышкой, балансировать на грани жизни и смерти и знать, что за дверью близкое, любящее существо, горячо и страстно желающее моего выздоровления, принимающее мою боль как свою собственную. Увы, об этом можно было лишь мечтать...

Макаровна искренне полагала, что именно тогда, чудом уцелев, я приобрела особый дар — видеть во сне некую параллельную жизнь, которую со временем, может быть, мне предстояло прожить наяву.

Сказать по правде, я не особо верила в то, что говорила соседка. Сны мои были непонятны и диковинны, разительно отличались от того, что я, десятилетняя, вечно запуганная, полуголодная и избитая девчонка, видела в окружающей меня действительности. Невозможно было вообразить себе их исполнение, даже в отдаленном будущем.

Однако мне было приятно беседовать с Макаровой. Отчасти потому, что где-то в самом потаенном уголке души у меня все же теплилась робкая, стыдливая надежда на чудо, на то, что когда-нибудь сказка станет былью. А отчасти из-за того, что добродушная старуха была единственным моим другом, да и вообще человеком, с которым я могла хоть как-то общаться.

У родителей я была первенцем. За мной они произвели на свет троих братьев-погодков, которых планомерно сдавали в детдом, едва те обретали способность ходить. Больше мать не беременела — очевидно, количество выпитого спиртного со временем отразилось на их с отцом репродуктивной функции.

Так или иначе, она нисколько не тосковала по отданным в приют сыновьям и жила, как с горы катилась: с утра напивалась в дым, орала, колошматила оставшуюся в доме посуду, таскала меня за волосы, а после истерически рыдала на груди у тихого, почти бессловесного отца.

Оба давно не работали, и единственным источником их доходов была я. Каждый день ни свет ни заря мать расталкивала меня и выпихивала из квартиры на улицу, неизменно напутствуя одними и теми же словами: «Смотри, гнида, не притащишь чекушку и пожрать, мозги вышибу!»

Отец грустно смотрел мне вслед большими выразительными карими глазами. Иногда я готова была поверить, что он немой, если бы не жалобные, похожие на стон, его обращения к матери.

«Лида! — протяжно и горько звал он, сидя в углу на стареньком диване и мерно раскачиваясь из стороны в сторону. — Ли-да!»

«Да что тебе? — надсадным криком отзывалась мать, тряся спутанными пегими волосами. — Что, ирод?»

Отец никогда не отвечал, продолжая стонать, тихо и беспомощно. В такие моменты он напоминал мне боль-

ного бездомного пса, живущего у нас во дворе за бойлерной будкой.

Отца я не боялась, зато мать наводила на меня настоящий ужас. Я вылетала из дому, не пикнув, накинув на себя что оказывалось под рукой, а иногда и просто в том, в чем была.

Поиск средств на «чекушку и жратву» занимал почти целый день. Я слонялась по улицам, ежась от холода, и пристально изучала прохожих. Выбрав тех, кто, на мой взгляд, выглядел подороже, я подсказывала к ним и начинала канючить, тоненько и жалостно:

— Тетенька, дяденька, сделайте милость, помогите, чем сможете. Папка нас бросил, мамка в больнице с сердцем, а у сестренки ноги не ходят.

Почему и когда я задолбила эту расхожую нищенскую тираду — не помню. Возможно, так говорить научила меня все та же Макаровна, которая искренне сочувствовала моей нелегкой жизни и пыталась по-своему помочь чем могла. А может быть, я почерпнула ее из лексикона таких же малолетних бродяжек, которых предостаточно болталось по нашему району.

Во всяком случае, на людей моя просьба действовала, хоть и не всегда. Порой приходилось ждать часами, пока какая-нибудь сердобольная старушка или приличного вида мужчина средних лет останавливались передо мной, лезли в карман, доставали оттуда бумажник и со смесью жалости и брезгливости на лице протягивали несколько металлических рублей, а то и мятую, загнутую с углов десятку.

В разговоры почти никто из них не вступал, отдав деньги, люди предпочитали побыстрее исчезнуть, не оглядываясь. Лишь однажды симпатичная, розовощекая девушка со скрипичным футляром за плечом поинтересовалась, чем болеет моя сестренка и нельзя ли ее вылечить. Я ответила, что нельзя, это у нее с рождения, и по-

спешила смыться подобру-поздорову. На этом все и закончилось.

В какие-то дни набиралась значительная сумма. Я отправлялась в ближайший магазин, где меня отлично знали все продавщицы. Они и снабжали нехитрой закуской и поллитровкой, благополучно нарушая закон, запрещающий продавать спиртное несовершеннолетним.

Свои покупки я тащила домой и отдавала матери. Та моментально вырывала бутылку у меня из рук, а еду великодушно делила на три неравные части. Меньшая, разумеется, предназначалась мне, но я бывала рада и этому: в иные, менее удачные дни единственной наградой за мое попрошайничество становилась сухая вчерашняя горбушка и провонявший кусок ливерной колбасы.

Хуже всего обстояло дело, когда не удавалось собрать денег на водку. Тогда я получала по полной программе: мать, мучимая похмельем, зверела и окончательно теряла человеческий облик. В ход шло все, что попадалось под руку, — от отцовского солдатского ремня до скалки и сковородок.

Единственным спасением было выскользнуть из комнаты и спрятаться у Макаровны, которая, кстати, боялась мою мать ничуть не меньше, чем я. Вдвоем мы сидели, закрывшись на щеколду, и тряслись, пока мать бушевала в коридоре, грозясь превратить нас обеих в мокрое место.

Если бы ей удалось вышибить плотную дубовую дверь и проникнуть в жилище Макаровны, вероятно, она бы привела свои угрозы в исполнение. Но запала ее хватало ненадолго. Вскоре шум по ту сторону «баррикад» стихал, и мать, уставшая от бурных проявлений эмоций, отключалась до утра.

Всякий раз после этого старуха крестилась и клятвенно обещала нести заявление в милицию и в органы опеки, дабы «спасти дитя от такой изуверки» и не погибнуть самой. Но... наступал следующий день, и все шло как пре-

жде: Макаровна оставалась дома перед стареньким рябщим телевизором, я отправлялась на промыслы, и никто не беспокоил органы жалобами и заявлениями.

Лишь потом, много лет спустя, уже став взрослой, я узнала, что существовала причина, по которой Макаровна опасалась затевать тяжбу с моей матерью. Дело в том, что родная сестра ее ближайшей подруги и собутыльницы, тетки Нюры, работала в районной управе и занимала там довольно солидный пост. Ее власти хватало на то, чтобы опекунский совет стойко отказывался рассматривать дело о лишении моих матери и отца родительских прав, хотя сигналы об их, мягко говоря, недостойном поведении поступали в управу регулярно.

Так я и существовала, и чем дальше, тем больше мне казалось, что окружающая меня убогая и серая повседневность — всего лишь сон, длительный, тяжкий и безрадостный, в то время как красивые, яркие ночные и есть моя настоящая жизнь.

2

Тот день я помню столь же отчетливо и ярко, как если бы он был лишь вчера и не прошло с тех пор без малого десять лет.

Накануне мне крупно не повезло: с утра до вечера лил противный ноябрьский дождь, улицы словно вымерли, и на них не было ни души.

Я без толку шаталась по лужам до самой крошечной тьмы и под конец вынуждена была вернуться домой несолено хлебавши, дрожащая от страха и мокрая до нитки.

Дверь открыла мать. Моя бледная зареванная физиономия говорила сама за себя: мать моментально раскусила, что дело — табак. Лицо ее исказилось от ярости, и не успела я шевельнуться, как цепкие, железные пальцы ухватили мой локоть.

— Ах ты, тварь! Гадина паршивая! Снова пустая? Ну, говори же, говори, дура, я напрасно ждала все это время? Да?! Отвечай!! — Она с силой тряхнула меня за плечи, раз, другой, и еще, еще.

Я молчала, стискивая зубы, стараясь не всхлипывать — это разозлило бы мать еще больше, и она стала бы колотить меня головой о бетонную стену прихожей. Так уже бывало, и неоднократно.

— Тварь, тварь! — в иступлении повторяла мать. — Снова, вместо того чтобы делом заниматься, отсиживалась в подъезде?! Не вздумай врать, я тебя насквозь вижу, гадину шелудивую!

Она потащила меня в комнату. Я не сопротивлялась, чувствуя себя в самом деле страшно виноватой: материны упреки не были голословными. Я действительно в течение дня пару раз отыскивала подъезды, где еще не установили домофоны, и там отогревалась, присев на корточки перед радиатором.

Из соседней крошечной комнатушки выглянул отец. При виде встрепанной, багровой от гнева матери и меня, жалкой и трясущейся, красивое, правильное его лицо исказила гримаса страдания.

— Лида, — произнес он, с усилием шевеля губами, — не надо, оставь.

Но мать не слышала и не видела его. Она выволокла меня из коридора и швырнула на середину десятиметровой комнаты, служившей нам гостиной и столовой одновременно. При этом подол ее халата зацепился за гвоздь, торчащий из стола.

Угрожающе затрещала тонкая материя, звонким горохом посыпались на паркет круглые блестящие пуговицы. В прорехе белело голое тело.

— Убью, паскуда! — яростно крикнула мать, пнув стоящий на дороге стул. Тот сложился пополам, деревян-

ное сиденье отделилось от ножек. Миг — и оно оказалось в руках у матери.

— Убью! — повторила она в исступлении, поднимая деревяшку над моей головой.

Я успела пригнуться, сиденье с размаху опустилось мне на спину, так, что в ней звучно хрустнуло. Сразу же перехватило дыхание, перед глазами поплыли зеленоватые круги.

Мать ударила снова, потом еще. Остатками бокового зрения я заметила отца: тот бледной тенью маячил возле двери, бормоча что-то невразумительное, и, по своему обыкновению, раскачивался из стороны в сторону.

Потом вдруг я перестала чувствовать боль. Голос матери, гремевший над самым моим ухом, стал тоньше, отдалился, а после и вовсе пропал. Мгновение я различала перед собой лишь темноту, густую, полную и как бы обволакивающую.

Затем сознание вернулось. Я ощутила резкий свет — в глаза мне била висящая под потолком лампочка без абажура. Я лежала на полу, скрючившись, прикрыв руками голову. Удары больше не сыпались на меня, однако мать находилась где-то рядом — я отчетливо чувствовала крепкий, душный запах, шедший от ее разгоряченного немытого тела.

Поблизости плачущий, дрожащий голос увещевал нараспев:

— Опомнись, Лидия! Побойся Бога! Угробишь ребенка, остановись, прошу тебя.

Это была Макаровна. Я слегка подняла голову и увидела ее — она стояла напротив матери, судорожно прижимая обе ладони к тощей груди. Лицо ее было мокрым от слез, губы тряслись.

Мать кинула на соседку беглый малоосмысленный взгляд и произнесла длинное грязное ругательство. Старуха вздрогнула и перекрестилась.

— Господь с тобой, Лидия. Посмотри, в кого ты превратилась — сушая ведьма. Все водка, будь она неладна.

— Заткни хлебало, — равнодушно и зло бросила мать и поудобней перехватила сиденье от стула.

— Беги, дочка, — пискнула Макаровна, протискивая свое худенькое, тщедушное тельце между мной и матерью. — Беги, Василисушка...

Она не договорила — деревяшка попала ей по плечу. Макаровна пошатнулась, но не двинулась с места, только широко хлебнула воздух перекошенным ртом.

В эту секунду я, сделав неслыханное усилие, вскочила на ноги и вылетела из комнаты. За спиной слышались крики и шум, но я не оборачивалась. Точно мышь в нору, нырнула в угловую комнатенку Макаровны и громко шелкнула задвижкой.

Я была уверена, что мать убьет старуху, так самоотверженно за меня заступившуюся. Вскоре за дверью стало тихо. Я стояла, прислонившись к стене, оклеенной темно-зелеными, в голубой цветочек, обоями, и обмирала от ужаса. В моем воображении Макаровна уже рисовалась лежащая в гробу со спокойным, умиротворенным лицом и свечкой в изголовье — такой я видела бабушку, отцову мать, на похоронах в прошлом году.

Вдруг в коридоре послышались шаги, и ласковый голос произнес в замочную скважину:

— Открывай, дочка, это я.

На всякий случай я помедлила. Меня терзало подозрение, что Макаровна вернулась не по доброй воле, за ее спиной стоит неумолимая, грозная мать, она только и ждет, когда я выйду из своего укрытия.

— Василиса! — снова окликнула старуха. — Чего ты там? Живая? — В ее голосе слышалась тревога.

— Живая, — выдохнула я в дверную щелку. — А... ты одна?

— Одна, одна, — мягко проговорила Макаровна, — не бойся, пусти меня.

Я отодвинула щеколду. Старуха стояла передо мной и силилась улыбнуться. Получалось это у нее с трудом — правая щека и глаз Макаровны распухли и были ярко-багрового цвета.

Я поискала глазами у нее за спиной. Старуха поймала мой взгляд и утешительно произнесла:

— Говорю же, не бойся. Спит она. Была у меня заначка, так я ей того... снесла, чтоб, значит, утихомирилась. Чего ж... не пропадать же тебе, девонька. — Она протянула корявую старческую руку и погладила мои волосы.

Тут только я поняла, что старуха, пытаясь образумить мать, не просто прижимала руки к груди, а прятала за пазухой вожделенную поллитровку.

Макаровна зашла в комнату, и мы на всякий случай заперлись вновь. Старуха хотела было накормить меня холодной вареной картошкой, оставшейся у нее с ужина, но я не могла есть. Голова моя клонилась, в глазах, как давеча, плавала муторная зелень.

Ко всему прочему начался отвратительный, выматывающий душу озноб. Макаровна потрогала мой лоб, покачала головой и, ни слова не говоря, принялась вытаскивать из-за шкафа потрепанную раскладушку.

Через полчаса я уже лежала на боку, поджав под себя ноги, укрытая теплым цветастым стеганым одеялом, но все равно было холодно. Тупо ныла спина, будто туда засунули гвоздь, в ушах мерно и громко звенело.

В углу Макаровна, так и не решившись выйти на кухню, кипятила на плитке чайник.

Всю ночь я пробыла в полубреду, постоянно вскидываясь на раскладушке, вскрикивая и пытаясь сбросить у себя со лба прохладную ладонь Макаровны.

Утром в дверь постучали.

— Эй, Васька, выходи!

Услышав голос матери, я сжалась в комок и притаилась под одеялом. Мне хотелось стать невидимой или вообще исчезнуть. Я скороговоркой произнесла про себя молитву, которой выучила меня набожная Макаровна, но та не помогла: мое тело по-прежнему оставалось на раскладушке, и я отчетливо видела свои тощие руки и ноги, спрятанные под одеялом.

— Эй! — громче повторила мать. — Оглохла, что ли? Или дрейфишь? — Она хрипло рассмеялась и произнесла чуть мягче: — Не бойсь, я тебя прощаю. Но помни, это в последний раз. Сегодня вернешься ни с чем — дух вышибу, даже не сомневайся.

Макаровна тяжело вздохнула, сосредоточенно разглядывая в зеркале фиолетовый кровоподтек.

— Иди, что ли, детка, — не оборачиваясь, сквозь зубы, выдавила она, — чем раньше, тем оно и лучше. Все одно придется выходить. Ты все горишь али прошло?

Я пожалала плечами и спустила ноги на дотканый пестрый половичок. Озноб, кажется, прошел, а вот спина болела еще сильнее, чем накануне. Даже показалось, что я не смогу встать.

Однако мать продолжала настойчиво призывать меня из-за двери. Повинуясь ее зычному суровому голосу, я поднялась с раскладушки и нацепила на себя нехитрую одежду.

Старуха молча протянула мне сморщенное зеленое яблоко. Я тут же почувствовала спазм в желудке и отрицательно замотала головой.

— Не будешь? — Макаровна понимающе кивнула. — Ну как знаешь. — Она подумала немного и прибавила, без особой, впрочем, уверенности: — Сбежать бы тебе, девка. Да куды сбежишь-то? Кругом одни выродки да злодеи лютые, попадешь к ним в руки, пожалеешь, что на свет появилась.

Я знала, что она права. Как-то я уже пробовала уйти из дому, ночевала на вокзале и продержалась два дня. Там, в зале ожидания, где я устраивалась на ночлег, существовала своя мафия таких же беспризорных детишек. Они были сплошь зубастые, искушенные, опасно сплоченные между собой. Условием, благодаря которому можно было стать своим в этой волчьей стае, являлось все то же попрошайничество. Требовалось собирать милостыню на определенном, закрепленном за тобой участке и сдавать ее в общак, пахану. Наказания за неповиновение и проступки были ничуть не менее жестокими, чем у матери.

Я поняла, что меняю шило на мыло, с той лишь разницей, что на вокзале не было доброй, ласковой Макаровны. Зато там имелся неприятный, неопределенного возраста дядечка с масляными глазками и крючковатым носом. Он подошел в первый же день, едва я, отыскав в зале ожидания свободное кресло, уселась, наклонился к самому моему лицу и начал шептать отвратительные, тошнотворные гадости, из которых я почти ничего не поняла, но меня сразу охватил леденящий ужас.

Короче, я вернулась домой и больше о бегстве не помышляла. Не хотела я и в детдом — братишки в те редкие минуты, когда мать выбиралась навестить их и прихватывала меня с собой, рассказывали всякие страсти про тамошние порядки.

Одним словом, никакого особого выбора у меня не было, точно как в сказке: направо пойдешь — коня потеряешь, налево пойдешь — смерть свою найдешь...

Макаровна больше ничего не говорила, положив яблоко на комод, она осторожно прикладывала к синяку мокрое полотенце.

Я бокom прошла мимо нее, отодвинула защелку и выглянула в коридор. Мать была тут как тут, умытая и даже причесанная: разноцветные клочковатые пряди спадали ей на плечи.

— Не уважаешь родителей, — сказала она мне беззлобно, — к тебе по-человечески, со всей душой, видишь ведь, болеем мы с отцом. Не бросили тебя, растим, в необходимом себе отказываем. А ты... — Мать безнадежно махнула рукой. От нее несло перегаром — видно, она только что приложилась к бутылке, дарованной ей Макаровой, а потому пребывала в миролюбивом настроении. — Все, Васька, заканчивай прохладиться, топай на заработки. И не забывай, что я тебе сказала, чуешь?

Я послушно кивнула. Как забыть ее обещание вышибить из меня дух!

Мать стащила с вешалки мою куртку:

— Оденься. Сегодня прохладно.

Ее нарочитая заботливость почему-то вселяла в меня еще больший страх, чем грубые окрики. Я поспешно сунула руки в рукава. Куртка была мокрой насквозь — за ночь она так и не успела высохнуть. Пальцы сразу заledenели, спину заломило с новой силой.

Я вышла из квартиры, спустилась по лестнице, распахнула дверь подъезда и остолбенела.

Матушки! Оказывается, ночью выпал снег. И мороз будь здоров — нос и щеки будто огнем обожгло, в рукава и за шиворот рванулся ледяной ветер. Надо же, за каких-то несколько часов так изменилась погода!

Поначалу неожиданная стужа даже как-то освежила меня: звон в ушах прекратился, рассеялась рябь перед глазами, перестала трещать голова. Но это лишь поначалу.

Минут через десять я ясно почувствовала, что долго так не прохожу. Мокрая куртка на глазах покрывалась изморозью, ноги в легких ботинках свело до судорог, кожу на лице щипало, точно ее натерли луком.

Подгоняемая холодом и отчаянием, я стала кидаться ко всем, кого видела вокруг себя:

— Дяденька, тетенька, сделайте милость, помогите чем сможете...

Никто не останавливался. Словно по заклятию недоброй волшебной палочки, они проходили мимо, бросая на меня косые, неприязненные взгляды.

Меня уже откровенно колотило, ступни ног саднило, от тяжести в позвоночнике хотелось согнуться и просто лечь на обледенелую, покрытую сухими крупинками снега землю.

Наверное, прошло совсем немного времени, но мне казалось, что я вечно брожу так, скорчившись под колючими порывами ветра, в куртке, покрытой льдом, как глазированный сырок шоколадом, и механически, машинально повторяю одну и ту же фразу:

— Дяденька, тетенька...

...Она вынырнула на меня из-за угла старого кирпичного дома — в черном каракулевом пальто, красивой кожаной шляпке, кокетливо надвинутой на лоб. На локте висела изящная черная сумочка. За ней, держась за руку, семенил краснощекий сопливый пацаненок лет шестисеми, сжимая в рукавице крошечный коричневый скрипичный футляр.

Почему-то я сразу вспомнила ту милую румяную девушку со скрипкой, и мне стало уютно и спокойно.

Конечно, все будет хорошо. Эта женщина послана мне судьбой, чтобы спасти от холода и невыносимой боли. Ее сынишка занимается музыкой, она не может быть черствой и равнодушной, пожалеет меня, откроет свою восхитительную сумочку, достанет оттуда бумажник...

— Тетенька! — Я постаралась вложить в это обращение как можно больше обаяния и нежности, но голос предательски задрожал и сорвался: — Пожалуйста, помогите!

Не знаю, почему я отступила от шаблона — может быть, в ту минуту я просила не милостыню, а молила пощады себе, готовая броситься на колени перед незнакомкой, целовать ее руки в черных кожаных перчатках и даже ноги в не менее прекрасных кожаных сапожках.

Она казалась мне доброй феей, от нее вкусно и сладко пахло духами и мандаринами, а мальчонка под ее боком был похож на пухлого ангела.

Женщина остановилась. Густо подведенные глаза слегка прищурились, красные губки сложились бантиком.

— Чего тебе, девочка?

У нее был чудесный мелодичный и звонкий голос. Вот такой бы моей матери! И еще чистую розовую кожу, без единой морщинки, ровную и шелковистую, как атласная ткань.

— Помогите, чем сможете, — пролепетала я, начисто позабыв про бросившего нас папку, лежащую с сердцем мамку и безногую сестренку.

Женщина ничего не ответила, однако миловидное лицо тут же нахмурилось. Она почему-то оглянулась, проворно стянула с руки перчатку и резко рванула «молнию» на сумочке.

Я с трепетом ждала, когда покажется на свет кошелек, но он все не появлялся. Незнакомка нервно рылась в недрах сумочки, и лицо ее из розового на глазах превращалось в пунцовое.

Наконец она судорожным движением вывернула сумочку почти наизнанку, глянула на ее содержимое, едва не посыпавшееся в снег, и произнесла тихо и заворуженно:

— Украли.

Я не сразу поняла, о чем она говорит. Потом сердце сжалось от боли: у нее, у моей феи, украли кошелек! Последнюю надежду, единственный шанс спастись от пропизывающей, лютой стужи.

У меня перехватило дыхание.

Дальнейшее напоминало кошмарный сон. Дама пару секунд тупо глядела на сумку, потом лицо ее странно сморщилось, мгновенно превратив его обладательницу из феи в старуху.

— Это ты, — шипящим шепотом проговорила женщина, делая шаг в мою сторону. — Это ты!

— Что? — не поняла я, но почему-то сразу же попятилась назад. Мальчишка с футляром начал противно и громко хлопать носом.

— Что?! — хрипло вскрикнула фея. — Ты говоришь «что»? Воришка, мерзавка, побирушка!

Она выговаривала оскорбительные слова четко и хлестко, словно стихи читала, и казалось, каждое слово, отлетая от ее губ, ударяет мне в лицо.

— Воришка, мразь! — Голос феи утратил хрипоту и звучал мелодично и звонко, как прежде, даже чересчур. На нас стали оборачиваться люди.

— В чем дело, гражданка? — поинтересовался пожилой усатый мужчина в стеганой кепке. — Зачем так много шума?

— Здесь орудует банда малолеток, — громко посетовала женщина. — Только что я встретила в булочной ватагу мальчишек. Они вытащили у меня из сумочки кошелек. Боже мой, муж только сегодня утром снял с книжки деньги! — Она в отчаянии прижала ко лбу узкую изящную ладонь, а потом посмотрела на меня с ненавистью. — Это наводчица, она нарочно тут, изображает из себя сироту казанскую, а сама с ними заодно...

— Чего ж вы стоите? — оживился усатый. — В милицию ее надо. Тут рядом, на соседней улице, патруль ходит.

— Патруль? — Женщина глянула на усатого с интересом.

— Да. Подъедете в отделение, составите протокол. Глядишь, она, пакостница, сдаст своих дружков. Вот и кошелек вернется. Да вы крикните погромче, ребята услышат — я их только что видел, вон за тем магазином.

Каракулева фея с готовностью открыла рот, но я не стала дожидаться, пока она издаст хотя бы один звук — рванулась и побежала, скользя по покрытым корочкой льда лужам. Дальше, дальше, сломя голову, зажав ладонями уши.

Крик я все равно услышала, пронзительный и громкий:

— Держите вора-а!

Кричало несколько человек, нестройным, разногласным хором. А я неслась как угорелая, хотя точно знала, что не брала проклятый кошелек у злой феи. В тот момент я согласна была умереть от холода или материнских побоев, но только чтобы меня не настигли, не поймали, не заклеямили страшным, жутким словом «вор».

Позади загрохотали тяжелые шаги.

— Стой!

Голос был новый, он не принадлежал ни одному из тех, кто орал «Держите вора!», грубоватый и молодой.

— Стой, тебе говорят!

Я помчалась еще быстрее, хотя это уже было невозможно. Грохот за спиной стремительно приближался. Я почувствовала, что задыхаюсь, позвоночник прошла острая боль.

— Да куда ты несешься, дура! — Сзади на мое плечо опустилась чья-то каменная ладонь. Ноги тут же обмякли, сделались ватными, а перед глазами, как накануне, стало стремительно чернеть.

— Эй, не валяй дурака! — строго сказал голос в самое мое ухо, но обладателя его я не успела рассмотреть, проваливаясь в темноту все глубже, словно в бездонный колодец. — Эй!

Меня слегка потрянуло, мрак сразу рассеялся. Затем я почувствовала, как ноги отрываются от земли. Кто-то держал меня на руках, моя щека прижималась к шершавой, крепко пахнущей табаком материи.

— Елки зеленые, да ты ж мокрая насквозь! — Тон у преследователя стал мягче, участливее. Я слегка приподняла ресницы и увидела прямо перед собой круглое курносое веснушчатое лицо. Серые глаза в коротких ресницах смотрели на меня с недоумением и тревогой.

— Малая, у тебя родичи-то есть? — Парень осторожно вернул меня в вертикальное положение, на всякий случай поддерживая за плечи, опасаясь, видно, чтобы я не рухнула вниз носом.

— Есть. — Я не узнала своего голоса, до того он был писклявым и тоненьким.

— Кто, мамка или папка?

— Оба.

— Что ж они, гады, отпускают тебя на улицу в такую стужу, почитай, голышом? Или врешь? — Парень глянул на меня с подозрением и нахмурил рыжеватые брови.

— Не вру.

— Ты кошелек у гражданки свистнула? — вдруг совершенно беззлобно спросил он. — Скажи, не бойся, ничего не будет, я обещаю.

Я отчаянно замотала головой и шмыгнула носом.

— Ну ладно, ладно, — парень поспешно кивнул, — не реви, верю. А чего тогда ты к ней приставала?

— Х-хотела п-попросить, чтобы она мне... денег дала. — Зубы мои помимо воли начали выбивать дробь. — Чуть-чуть...

— Вот чудачка. — Парень хмыкнул. — Зачем это тебе вдруг деньги понадобились?

Я молчала, глядя под ноги, и тряслась на продувном ветру. Парень, кажется, смекнул, в чем дело, во всяком случае, понимающе покачал головой.

— Квасят, что ли, твои предки? — И так как ответа не последовало, подтвердил: — Понятное дело, квасят. А то бы ты здесь не шастала в такой куртенке. — Он задумчиво потерев пальцами по-детски пухлую нижнюю губу. — Ну и что с тобой делать теперь? А?

Я растерянно пожала плечами.

— Бледная ты, аж жуть. — Парень моргнул бесесыми ресницами. — Замерзла или болит что-нибудь?

— Болит, — шепотом проговорила я.

— Живот?

— Спина.

— Спина — это серьезно, — авторитетно произнес парень. — Ты вот что, слушай сюда. Давай я тебя в отделение отведу. Там есть инспекторша специальная, для несовершеннолетних. Пусть она тобой займется, если надо — в больницу отправит. Давай, а?

Я подумала: лучше бы он дал мне тридцатку и отпустил восвояси. Тогда можно было бы вернуться домой, и мать не стала бы меня колотить, а дала горячего чая и сосиску с капустой.

Однако вслух озвучить свои мысли я не решилась и по-прежнему тупо молчала.

— Ну чего ты артачишься? — принялся уговаривать меня парень. — Хреново же тебе дома, ведь так? Ну вот, а там тебе помогут, накормят, вещи теплые выдадут.

«Там» могло означать только одно — в детдоме. В самом деле, куда еще могли направить из детприемника, куда так соблазнительно звал меня веснушчатый спаситель?

Я потихоньку отодвинулась от парня, сначала на полшага, потом еще.

— Вот дуреха, — рассердился тот. — Ты ж замерзнешь намертво. Топай тогда домой, я провожу.

— Нет.

— А ты, гляжу, упрямая. — Он внезапно усмехнулся. — Зовут-то как?

— Василиса.

— А меня Валерка. Дембель я, вчера только уволил-ся. Вот к мамаше спешил, да ты тут вклинилась. Смотрю, скачет, как угорелый заяц, и все по лужам. А ботинки-то... — Парень выразительно присвистнул и махнул рукой. Помолчал немного, потом решительно сжал мою закончевшую ладонь. — Хватит дурить, малая. Надо идти. Ты сама прекрасно понимаешь, нельзя тебе так. В следующий раз побежишь — мигом сцапают и разбирать-

ся не будут, виновата или нет. В лучшем случае в обезьянник свезут, в худшем — морду набьют. А в тебе и так душа еле держится.

Я слушала его негромкую убедительную речь и чувствовала, как невыносимо, нестерпимо ноет спина. Пожалуй, он прав, этот рыженький сероглазый солдатик, — деваться мне некуда. Да, кажется, я и пары шагов не смогу сделать самостоятельно. Ну не помирать же, ей-богу.

— Что, уговорил? — Парень улыбнулся. — Вот и умница. Да не опасайся ты так, что уж кругом, звери одни сидят? Помогут тебе, вот увидишь. Раз с родителями не повезло, нужно самой на ноги вставать, как еще быть-то? Топать можешь или понести тебя?

— Сама пойду, — выдавила я, с трудом разжимая пересохшие, потрескавшиеся губы.

— Ну и айда. — Он секунду колебался, затем расстегнул солдатский ватник и набросил мне на плечи поверх куртки.

3

— Имя, фамилия! — Смуглая тетка с черными усиками над верхней губой и курчавой, как у овцы, шевелюрой, склонилась над разграфленным листком, хищно нацелив в него блестящую авторучку.

— Демина Василиса.

— Громче, не слышу! — рявкнула усатая.

Я стояла перед полированным письменным столом и молча смотрела на темные колечки волос у нее надо лбом.

Инспекторша подняла усталое желтоватое лицо и близоруко прищурилась.

— Повтори погромче. Ты очень тихо говоришь, я не расслышала. Запишу неправильно, потом будет морока.

— Пусть она сядет, — мягко попросил Валера. — У нее спина болит.

— Садись, — усатая кивнула на желтый обшарпанный стул. — Голова не кружится?

— Кружится.

— Сейчас придет врач. Я уже позвонила. Так ты мне скажешь свое имя и фамилию?

— Демина Василиса, — повторила я, изо всех сил стараясь придать голосу звучность.

— Лет сколько?

— Десять.

— С кем живешь? Мать, отец есть?

— Да.

— Диктуй, как их зовут.

— Демина Лидия Дмитриевна, Демин Андрей Иванович.

— Адрес.

— Флотская, дом семнадцать, квартира сорок.

— Телефон есть?

— Есть, но он не работает.

— Ясно, — кивнула тетка, — отключили за неуплату. Ладно. Посиди пока, я скоро вернусь.

Она встала и вышла из маленького тесного кабинета. Я растерянно оглянулась на Валеру, стоящего в дверях. Тот ободряюще подмигнул.

— Все нормально, сестренка. Я завтра приду сюда, проверю, чтоб никто не обидел. А спину береги, тебе детей рожать. Я серьезно говорю. — Он снова улыбнулся, глядя на мою мигом сморщившуюся физиономию.

В углу на стене, выкрашенной коричневой краской, громко тикали большие круглые часы. Рядом висело несколько застекленных стендов с листами, исписанными мелким разноцветным шрифтом. На широком грязноватом подоконнике сидели в горшках крупный кактус и чахлая, полусохшая фиалка.

При виде них я почему-то вспомнила Макаровну, хотя у нее в комнате не было никаких цветов.

Как-то она будет без меня? Небось станет скучать — у нее же из родни никого. Я прерывисто вздохнула и тут же сжалась от боли, прошившей позвоночник.

Дверь скрипнула, впуская усатую и высокого мужчину в белом халате, с чемоданчиком в руке.

— Это врач, — пояснила мне инспекторша, — сейчас он тебя осмотрит и решит, надо ли ехать в больницу. Только ничего не сочиняй, говори правду, хорошо?

— Да.

Тетка снова вышла, прихватив с собой моего провожатого, и мы с женщиной остались одни.

— На что жалуемся? — поинтересовался он и раскрыл свой чемодан.

— Там что-то ломит, — я осторожно дотронулась до спины.

— Что ж, раздевайся. Не спеши, давай я тебе помогу. — Врач аккуратно стащил через голову ветхую трикотажную водолазку и покачал головой. — Одни ребра! Хоть суп из тебя вари.

Он развернул меня к себе спиной, и тут же тон его из шутового сделался серьезным.

— Это кто ж тебя так?

Наверное, моя спина являла собой устрашающее зрелище. Еще бы, если за вчерашний вечер на нее не менее десятка раз опустилось увесистое сиденье деревянного стула.

Я пробурчала что-то неразборчивое.

— Я спрашиваю, кто тебя избил? — повысил голос врач. — Отец небось?

— Мама.

— Вот стерва, — жестко произнес он, бережно касаясь прохладными пальцами моего позвоночника. — Посадить ее на полную катушку, чтобы ребенка не калечила! погоди, я ей это устрою. Так больно?

— Угу.

— А так?

— Тоже.

— Нагнуться можешь?

— Не могу.

— Ты все же попробуй, через «не могу». Мне это важно.

Я слегка наклонилась, закусив губу, чтобы не кричать. На глазах от боли тут же выступили слезы.

— Все, все, достаточно. Молодец. Давай одевайся, и померим давление. — Доктор протянул мне одежонку и усадил на стул. Потом достал из чемоданчика длинную трубку, странный прибор, похожий на будильник, и кусок темной плотной ткани.

— Сиди тихо, не двигайся. — Он тканью обмотал руку ниже плеча и начал мерно накачивать маленькую резиновую грушу.

Руку сильно сдавило, я испуганно вскрикнула.

— Говорю же, сиди тихо, — доктор недовольно поморщился, — я не собираюсь причинять тебе вред. — Он задумчиво поглядел на стрелку прибора, плавно ползущую вниз по шкале, и удовлетворенно кивнул. — Ну тут все в норме, сто пять на семьдесят. Немного низковато, но без криминала. Язык покажи.

Я высунула язык.

— Чистый. Молодец. — Врач встал и начал складывать свой чемоданчик. — Поедем в больницу, Василиса. Нужно сделать рентген позвоночника и подлечить гематомы. Плюс поколют тебе витаминчики — и будешь в полном порядке. — Он приоткрыл дверь и проговорил вполголоса, обращаясь к стоящей в коридоре усатой: — Я ее заберу. Там серьезные проблемы с позвоночником, возможно, потребуются специализированное лечение. Готовьте документы на девочку, ее нельзя оставлять с матерью, ни под каким видом, слышите?

— Слышу, — тусклым голосом ответила инспекторша.

В кабинет заглянул Валера.

— Вот видишь, как все отлично устроилось! А ты еще упрячилась. Теперь тобой займется как следует. А насчет

меня не сомневайся — приду навестить, гостинцев принесу.

— Правильно, — согласился врач, — ей гостинцы ох как нужны. Давай-ка, парень, помоги своей протезе добраться до машины, а лучше всего донеси.

— Это запросто, — с готовностью откликнулся Валера и осторожно подхватил меня на руки.

У крыльца стояла «Скорая». Шофер, увидав нас, спрыгнул с подножки и поспешил навстречу.

— Сказали бы, я б носилки принес.

— Не надо носилки, — Валера улыбнулся. — Мы и так обойдемся. Куда больную?

— Сюда, — шофер распахнул заднюю дверцу. — Тут кушетка, — обратился он ко мне, — можешь лечь.

Валера посадил меня в кузов, и я присела на край обтянутой клеенкой лежанки. Следом за мной в салон забрался врач, пригнув голову и ссутулив широкие плечи.

Затарактел мотор.

— Какая больница? — прокричал Валера, сложив ладони рупором.

— Пятнадцатая.

Дверка захлопнулась, я почувствовала, как пол под моими ногами дрогнул и качнулся.

— Доедем с ветерком, — пообещал врач.

4

Я лежала в маленькой, чистенькой и уютной палате, вставать мне не разрешали — только в туалет и умыться. Утром и вечером приходила медсестра и делала жутко болезненные уколы. Спину она мазала какой-то мазью, а еще мне давали целую пригоршню таблеток всех цветов радуги — синих, розовых, белых и зеленоватых.

От розовых всегда хотелось спать, и я дремала почти полдня.

Рядом со мной лежала девчонка чуть постарше, немного косенькая, со смешным, по-пороссячи вздернутым носом и пухлыми щеками. Ее звали Нинка, она была детдомовка и в больницу поступила с сотрясением мозга — подралась с кем-то из одноклассников.

Ей тоже нельзя было вставать, и мы маялись от скуки на пару, развлекая себя бесконечной болтовней. Вернее, больше болтала Нинка, я молчала, со страхом слушая ее повествование о детдомовской жизни.

С ее слов выходило, что воспитатели и учителя у них сплошь звери, за малейшую провинность могут оттаскать за волосы, а то и посадить в изолятор на трое суток без еды, обслуживающий персонал — ворье, а воспитанники дебилы или готовые бандиты. В палатах процветает дедовщина, старшие издеваются над малышкой, все поголовно курят и пьют водку.

Нинка рассказывала все эти страсти со вкусом, не жалея красочных эпитетов, явно довольная производимым на меня впечатлением. К пятому дню своего пребывания в больнице я твердо решила, что не пойду в детдом даже под дулом пистолета. Подлечусь немного и убегу. Попробую снова жить на вокзале, может, теперь у меня выйдет лучше, чем в прошлый раз.

Спина все еще болела, но гораздо меньше, а аппетита по-прежнему не было. Пожилая нянечка три раза в день уносила с моей тумбочки нетронутые тарелки с едой, укоризненно ворча и обещая пожаловаться доктору. Там же, на тумбочке, громоздилась гора яблок и апельсинов, принесенных Валерой — тот честно выполнял свое обещание и появлялся в палате ежедневно под вечер.

Один раз навестить меня пришла Макаровна. Показалось, что за время, пока я ее не видела, старуха еще больше похудела и стала совсем крошечной. На щеке ее все еще отчетливо проглядывал синяк, уже не фиолетовый, а желтовато-зеленый.

Макаровна принесла пакетик моих любимых ирисок «Кис-Кис» и рассказала, что к нам в квартиру приходил участковый и еще какие-то люди в штатском, но «страшно сердитые», и матери «шьют дело».

Это известие я восприняла с удивительным равнодушием: мне было нисколько не жаль, что мать могут посадить или заставить работать. Жалость я испытывала лишь к отцу, да и то весьма смутную — скорей даже тревогу за то, что он станет делать, лишившись матери.

Макаровна пробыла у меня недолго — у нее сильно болело сердце и скакало давление. После ее ухода ириски, все до одной, съевала Нинка.

Так прошла неделя, за ней другая. Мне разрешили вставать — сначала понемногу, потом сколько захочу. Нинку выписали, ее койка оставалась свободной, и я страшно скучала. От нечего делать у меня вошло в привычку день-деньской торчать у окна, наблюдая за происходящим в больничном дворе. Это было как немое кино.

Вскоре я выучила все наизусть. Точно знала, что утром, ровно в половине восьмого, в ворота въедет грузовик. Он остановится возле столовой, из кабины вылезут пожилой шофер в стеганой куртке и ушанке и его помощник, молодой, долговязый парень с бритой под ноль головой. Вдвоем они начнут выгружать из кузова продукты, из которых впоследствии больным сварят завтрак, обед и ужин.

Затем грузовик уедет, а на смену ему во дворе появится красивая блестящая иномарка главврача.

После восьми к воротам начинала тянуться длинная вереница людей. Это были врачи, медсестры и санитары, спешащие на работу в отделение. Иногда я пыталась подсчитать, сколько среди них женщин, а сколько мужчин, но всякий раз сбивалась.

Около одиннадцати двор наполнялся ходячими больными и пустел только к обеду. После тихого часа начина-

лась выписка, шел народ с сумками, приносили охапки цветов, стояли в ожидании автомобиля.

Вечером персонал покидал больницу, а на следующий день все повторялось заново.

Бывали в этой периодичности и незапланированные, спонтанные эпизоды. Однажды во дворике яростно и свирепо подрались два санитары. Я знала, из-за кого — красавицы медсестры, той самой, что делала мне уколы.

Сама виновница поединка прошла мимо соперников с гордо поднятой головой и равнодушным видом, не удостоив взглядом ни того ни другого. Я несколько раз видела, как она целовалась в ординаторской с заведующим отделением, поэтому понимала ее пренебрежение к двум сгорающим от страсти дурачкам.

Санитаров разняли, но один из них успел расквасить противнику нос и держался победителем. Старшая медсестра потом долго отчитывала обоих — слов из-за стекла я разобрать не могла, но выражение лица у нее было очень суровым.

Наблюдать за дракой мне понравилось, однако, к великому разочарованию, больше никаких ЧП не происходило. Я продолжала часами просиживать у окошка в надежде увидеть еще что-нибудь интересное, и как-то заметила бредущую по двору усатую инспекторшу.

Я сразу узнала ее по кудлатой темной голове — она была без шапки, в коротком голубом пуховике и высоких белых сапожках. Усатая остановилась возле больничного крыльца, кинула беглый и рассеянный взгляд на окна и решительно шагнула на ступеньки.

Вскоре в палату заглянула нянечка.

— Демина, к тебе пришли.

Я кивнула. Нянечка посторонилась, пропуская в дверь усатую. Та уже успела снять пуховик, на ее узких плечах болтался белый халат.

— Здравствуй, Василиса. — Голос у нее был такой же резкий и неприятный, вдобавок ко всему еще и простуженный. Видно, ее мучил насморк, потому что она усе-лась в дальнем углу палаты, комкая в руке платочек.

— Здравствуйте, — равнодушно проговорила я.

— Как дела? — поинтересовалась инспекторша. — Луч-ше тебе?

— Лучше.

— Что-нибудь болит?

— Почти нет.

— Ну вот и хорошо. — Она прижала платок к носу и звучно чихнула. — Тебя на следующей неделе выписы-вают, знаешь об этом?

Я качнула головой.

— Да, выписывают, — повторила усатая, краешком платка вытирая слезящиеся глаза. — Я вот тут думаю, как с тобой быть. Домой возвращаться нельзя, твоих родите-лей лишают родительских прав. В больнице тоже не мо-гут держать вечно. Стало быть, остается детский дом. Ты не против?

Я неопределенно пожала плечами, не собираясь вы-кладывать усатой свои планы о побеге на вокзал. Пусть себе думает, что я сплю и вижу попасть в приют.

— Значит, не против, — обрадовалась инспекторша и снова чихнула. — Ну вот и отлично. Я сегодня же на-чну оформлять твои документы. Ты пока набирайся сил, отдыхай. Нянечка жаловалась, что тебя кушать не заста-вишь. — Она подняла некрасивое усталое лицо и первый раз за все время разговора посмотрела мне в глаза. — Это ты зря. Нужно есть, если хочешь вырасти. Поняла?

— Да.

— Ладно, я пойду. До понедельника. — Усатая встала со стула и не спеша пошла к двери. У порога она оберну-лась и проговорила, почему-то понизив голос: — Не ду-май, детдом хороший. Один из лучших по району. — Она

назвала номер того самого, про который мне рассказывала Нинка, и вышла из палаты.

Оставшись одна, я первым делом прикинула, сколько времени осталось до понедельника. Сегодня была пятница, значит, в запасе у меня два дня.

Убежать я решила в ночь с воскресенья на понедельник — в это время больница пустовала перед новой рабочей неделей.

Улизнуть из отделения казалось делом нехитрым, проблема состояла лишь в том, что мои куртка и ботинки, как и рваная водолазка, были заперты в кладовке для одежды на первом этаже. Ключ от кладовой находился у завхоза, суровой, рябой и жилистой старухи, к которой и подойти-то было страшно, не то что просить выдать вещи.

Я голову сломала, придумывая, как добраться до своей одежды, но так и не нашла мало-мальски путного выхода.

Вечером меня позвали в процедурную на очередной укол. Понурая и убитая, я брела по коридору, точно сонная муха, и едва не ударилась лбом о приоткрытую дверь сестринской. Вовремя остановившись, я машинально заглянула вовнутрь и остолбенела.

В углу на вешалке висела поношенная черная куртка, а внизу, на полу стояли войлочные ботинки, именуемые в народе «прощай молодость». Память моментально и услужливо воскресила тот факт, что куртка и ботинки находятся здесь, в сестринской, давным-давно, с незапамятных времен, не исчезая ни поздним вечером, ни ранним утром. Иными словами, они были ничьи, скорее всего, достались отделению в наследство от какой-нибудь пожилой санитарки.

Что, если я воспользуюсь ими? Куртка ничуть не хуже моей, а может, и лучше, а ботинки... ботинки, конечно, будут велики размера на два, если не больше, ну да ничего не поделаешь.

В глубине души шевельнулась неприятная мысль, что это напоминает воровство, но я быстренько отогнала ее прочь. В самом деле, что еще делать — не оставаться же в палате, покорно дожидаясь, когда усатая отвезет меня в детдом в компанию к Нинке.

На сердце сразу стало легко и спокойно, я дошла до процедурной, героически вытерпела укол, выслушала похвалу медсестры за стойкость и вернулась в палату.

Все выходные я думала о предстоящей свободе. Мной владело искушение тайком забежать домой, навестить Макаровну, но я понимала, что делать этого ни в коем случае нельзя: меня, конечно, будут искать, и в первую очередь именно там.

Я решила, что повидаюсь со старухой позже, когда хоть немного обживусь на новом месте и обо мне забудут правоохранительные органы.

В воскресенье утром пришел Валера, он уже был в курсе, что с понедельника я покидаю больницу. Парень изо всех сил старался ободрить меня, шутил, смеялся, рассказывал забавные случаи из своей службы и ушел лишь после обеда, как всегда, оставив на тумбочке целую кучу фруктов и сладостей, а также баночки со стряпней своей матери. После его ухода я наконец впервые нормально поела, силой впихивая в себя пищу, — готовилась к тому, что с завтрашнего дня придется голодать.

С непривычки после еды меня разморило и потянуло в сон. Я решила, что это к лучшему — выспавшись днем, я не захочу спать ночью, когда надо будет действовать. Уютно устроилась под одеялом, закрыла глаза, тут же отключилась.

Мне приснился один из удивительных снов, тех самых, что производили ошеломляющее впечатление на суеверную Макаровну. Пожалуй, он был наиболее яркий из всего, что я видела до сих пор.

Я совсем взрослая и необыкновенно красивая. На мне дорогая модная одежда и куча золотых украшений. Во-

круг было множество людей, в основном мужчин, и все они смотрели на меня с нескрываемым восхищением.

Я о чем-то беседовала с ними, произносила незнакомые мудреные слова, остряла, смеялась. И они смеялись вместе со мной, подобострастно заглядывали в лицо, тесня друг дружку и норовя подобраться совсем близко, почти вплотную.

Однако их внимание почему-то не было приятно. Я чувствовала, как во сне на меня давит какая-то гнетущая тяжесть, от которой мучительно хотелось избавиться. И еще терзал непонятный, беспричинный страх. Я не понимала толком, в чем его источник: то ли меня пугали все эти люди, толкущиеся рядом, то ли что-то еще, неведомое, смутное, грозное.

Постепенно мной овладело единственное желание: убежать, скрыться от настойчивой толпы обожателей, остаться одной, скинуть нарядные шмотки, смыть с лица краску и вновь превратиться в маленькую девочку. Но что-то мешало мне сделать это, и я покорно продолжала играть ненавистную роль королевы и всеобщей любимицы, в душе терзаясь все больше и больше...

Потом я проснулась, словно от какого-то толчка. В палате было еще светло, и я удивилась, что проспала так мало: ноябрьские дни заканчивались рано, в начале шестого уже спускались быстрые, густые сумерки.

Отчетливо помня только что увиденный сон, я недоумевала, как мне могло присниться так много за короткое время.

За дверью, в коридоре, было странно шумно: слышались чьи-то голоса, гремела ведром уборщица, хотя я точно помнила, что сегодня она уже мыла полы во всем отделении.

Не понимая причины этого непривычного, невоскресного оживления, я поднялась с постели, накинула халат, сунула ноги в тапочки и выглянула в коридор.

Мимо меня с озабоченным видом шла медсестра, которой никак не должно быть сейчас на рабочем месте: ее смена начиналась лишь с понедельника.

При виде меня она слегка притормозила и приветливо произнесла:

— Доброе утро, Демина.

Я застыла на месте. Доброе утро? Какое сейчас может быть утро, когда только что прошел обед?

Медсестра проشمыгнула дальше, а мой взгляд сам собою упал на коридорные часы: стрелки показывали половину девятого.

По моей спине заструился ледяной пот. Неужели это половина девятого утра и я проспала не только воскресный вечер, но и всю ночь?

В это время расположенная прямо напротив моей палаты дверь ординаторской распахнулась, и в коридор вышел заведующий отделением со стопкой медицинских карт под мышкой. Его появление рассеяло последние сомнения.

Я кинулась обратно в палату, повалилась на кровать, уткнулась носом в подушку и разрыдалась, горько и безутешно.

Теперь все кончено! Убежать уже невозможно, с минуты на минуту появится усатая и заберет меня в детдом! Значит, напрасно я строила планы, присматривала чужую куртку и сапоги, все, все напрасно!

Дверь протяжно скрипнула, по полу прошлепали шаги.

— Эвона! — раздалось прямо над моей головой. — Что ж ты ревешь?

Это была нянечка, принесшая завтрак. Я ничего не ответила и даже не пошевелилась, продолжая лежать в обнимку с мокрой от слез подушкой.

Тарелка с тихим стуком опустилась на тумбочку, звякнула о стакан ложка. Потом на голову легла мягкая, теплая рука.

— Ну будет, будет, — приговаривала нянечка, осторожно поглаживая меня по растрепавшимся волосам. — Может, болит чего? Пойти доктору доложить?

— Н-не надо доктору. — Я вскочила и села на кровати, громко и судорожно всхлипывая. — Не надо!

— Не надо так не надо, — покладисто согласилась нянечка. — Ты вот поешь лучше, чем наволочку солить, а то за тобой уже пришли.

Я вытерла глаза и обречено уставилась в стенку. Нянечка немного постояла рядом с моей постелью, затем коротко вздохнула и, покачав седой головой, вышла.

С тумбочки до приторности сладко пахло манной кашей. Я почувствовала, как к горлу подступает тошнота, встала, схватила тарелку и отнесла ее в другой конец палаты, на стол.

После этого мне стало немножко легче. «Все равно убегу», — подумала я и повторила эту фразу вслух. Голос прозвучал неожиданно решительно и твердо, и, услышав его, я успокоилась окончательно.

В конце концов, детдом — не тюрьма, из него тоже можно выбраться, хотя, наверное, это будет сложнее, чем сбежать из больницы.

Я выпила жиденького теплого чаю и уселась на стул ждать усатую.

Минут через десять снова зашла нянечка и принесла мою одежду. Водолазка была заботливо заштопана, ботинки оснастились новыми шнурками и крепкими резиновыми набойками. Я оделась и спустилась.

В застекленном холле действительно сидела усатая инспекторша, а с ней незнакомый, толстый и круглый, как колобок, дядька в кожаной куртке и кепке набекрень. Я покосилась на него с удивлением: он был абсолютно не похож на детдомовского воспитателя.

— Быстро ты, — вместо приветствия проговорила усатая, вставая мне навстречу. Вид у нее был еще хуже, чем

два дня назад: нос покраснел и распух, губы обметала лихорадка, под глазами сгустились свинцовые тени. — Вот что, Василиса, — она откашлялась, пытаясь избавиться от осиплости, — планы немного изменились.

Я смотрела на нее в недоумении. Как это — изменились? Меня не повезут в детдом? Решили вернуть матери? А как же почти «сшитое» против нее дело?

— Знаешь, мне удалось связаться с одним учреждением, — сказала усатая. — Это специализированный интернат для детей и подростков с болезнями опорно-двигательного аппарата. Там почти никогда не бывает свободных мест, но... — Она снова закашлялась, натужно, мучительно, и, с трудом отдышавшись, завершила: — Но тебе повезло: позавчера оттуда забрали девочку, и теперь администрация интерната готова взять новенькую.

Она замолчала, наблюдая, какой эффект произведут ее слова.

Я не знала, что сказать в ответ. С одной стороны, я была безумно рада тому, что не поеду в Нинкин детдом, с другой — абсолютно не представляла себе специализированный интернат. Вдруг это что-то страшное, похуже любого приюта?

Тем временем мужчина-колобок тоже поднялся с лавочки и приблизился к нам с усатой.

— Это Геннадий Георгиевич, — представила его та, — шофер. Он как раз приехал в Москву по делам и заберет тебя с собой.

— А разве интернат не в Москве? — испугалась я. Не хватало еще, чтобы меня увезли в какую-нибудь тмутаркани!

— Нет, конечно. — Колобок весело и добродушно засмеялся. — Он в лесу.

— В лесу?!

— Ну да, в лесу. Будешь целые сутки дышать свежим воздухом, да еще пятиразовое питание. В комнатах по два-четыре человека, свои врачи, свои учителя. Рай, од-

ним словом. — Он снова рассмеялся, показывая желтоватые прокуренные зубы.

— Я подумала, для твоей спины это лучшее, что можно пожелать, — тусклым голосом произнесла усатая. — Ну как, поедешь?

Меня разобрало любопытство. Неужели бывают места, о которых только что говорил колобок по имени Геннадий Георгиевич? Врет небось, лапшу мне на уши вешает, а на самом деле его хваленый интернат ничуть не лучше Нинкиного детдома. Все же я решила рискнуть и глянуть на все собственными глазами.

— Поеду.

— Тогда вперед, — скомандовал шофер, — инспектору твоему дадим выходной, пусть домой идет и лечится, а мы и без нее доберемся, верно?

— Верно.

Усатая ничего не сказала, развернулась и пошла к дверям. Я за ней. Последним больничным холл покинул Геннадий Георгиевич.

— Вон моя красавица. — Он указал рукой на светлую серую «Газель», стоявшую неподалеку от входа. — Прошу садиться, мадемуазель.

Пискнула сигнализация, вспыхнули и погасли фары. Я нерешительно дернула дверцу — та поддалась.

— Залазь, не стесняйся, — ободряюще проговорил шофер.

Усатая вытащила из сумки широкий пухлый конверт.

— Вот, это ее бумаги. Там все: свидетельство о рождении, выписка из домовой книги, медицинское заключение, снимки. — Она протянула конверт Геннадию Георгиевичу. Тот кивнул и аккуратно спрятал его за пазуху.

— Передадим по назначению.

Он легонько подтолкнул меня вперед, и я взобралась на кожаное сиденье.

— Будешь за дорогой следить, — серьезно произнес Геннадий Георгиевич, устраиваясь рядом. — Чтoб, значит, ничего такого.

Мягко заработал двигатель. Усатая помахала в окно рукой и отошла назад.

— Славная баба, — негромко сказал шофер, — сердечная. Двое суток на телефоне сидела, пока своего добилась. К нам-то взять направление ох как сложно — койко-мест кот заплакал, да опять же лечение одного пациента в такую копеечку обходится, будь здоров. А она, инспекторша твоя, получила, так что ты, девка, еще не раз добрым словом ее помянешь. Давай-ка, махни ей на прощание. Слышь, чего говорю, махни, не ленись!

Слова шофера явились для меня откровением. Вот, оказывается, как! Усатая вовсе не злобная равнодушная мымра, какой казалась с виду, и ей совсем не улыбалось отправить меня в детдом, хоть она и расхваливала его на все лады. Расхваливать-то расхваливала, а у самой внутри что-то свербело, видать, раз в выходные добровольно лишила себя отдыха.

Я вдруг подумала о том, как несправедливо устроен мир: вот бы той фее в каракуле, которая обвинила меня в краже своего кошелька, иметь такую неказистую, отталкивающую внешность, как у усатой инспекторши. Тогда бы все было по-честному: стерва снаружи, стерва и внутри. Так ведь нет, дал же бог этой злоке смазливое личико, бархатистую кожу и губки бантиком, а бедняге-инспекторше только и досталось, что кудлатая овечья шевелюра да черные усы, делающие ее похожей на мужика...

...Машина давно выехала за ворота, а я так и не помахала инспекторше, погруженная в свои мысли. Геннадий Георгиевич ничего больше не говорил, крутил баранку и лишь иногда искоса поглядывал на меня краем глаза.

Мы миновали город и помчались по Кольцевой автодороге. «Газель» неслась на приличной скорости, у

меня даже стало захватывать дух и слегка закружилась голова.

— Сомлела, что ли? — встревожился Геннадий Георгиевич. — Что-то личность у тебя зеленая, ни дать ни взять царевна-лягушка. На вот, — он вынул из-за пазухи конфету в прозрачной обертке, — кисленькая, с лимоном. От укачивания здорово помогает.

Я послушно взяла конфету, развернула бумажку и сунула в рот желтый липкий шарик.

— Лучше? — поинтересовался шофер. — Ну то-то. А ехать медленнее никак нельзя, нам до обеда поспеть нужно, кровь из носа, а то начальство сердиться будет.

Он крутанул руль вправо, и машина лихо свернула на оживленное шоссе. Вскоре за окнами замелькали низенькие частные домики, потом пошли одинокие чахлые березки, и, наконец, по обе стороны дороги вырос густой лес.

— Через час прибудем, — уверенно пообещал Геннадий Георгиевич и одной рукой ловко вытряс из пачки «беломорину».

5

Интернат действительно стоял в лесу: прямо вдоль длинной каменной ограды росли огромные мрачные ели, между ними тесно жались друг к дружке осины и березы.

«Газель» въехала в широкие ворота и остановилась на небольшой асфальтированной площадке.

— Вылезай, — приказал Геннадий Георгиевич, — приехали.

Я спрыгнула на землю и с любопытством огляделась по сторонам.

Вокруг тоже были деревья, из-за них вдалеке проглядывало трехэтажное краснокирпичное здание.

— Нам туда, — подтвердил шофер, уловив направление моего взгляда.

Узкая асфальтированная дорожка выходила в прилегающий к зданию чистенький ухоженный дворик. Там было полно народу: с визгом носилась малышня, ребята постарше стояли, сбившись в небольшие группки. Я заметила, что у многих из-под одежды торчат какие-то странные штуковины, похожие на рыцарские доспехи. Кроме того, разъезжало несколько инвалидных колясок. Сидевшие в них мальчишки и девчонки выглядели вполне довольными, веселыми и активно принимали участие в общих играх и забавах.

— Что, интересно? — усмехнулся Геннадий Георгиевич и потянул меня за руку. — Потом со всеми познакомимся, а сейчас нужно доложить главному врачу.

Мы поднялись по низеньким ступеням и очутились в просторном, безукоризненно чистом вестибюле. Повсюду стояли кадки с растениями, пол, выложенный широкой серо-голубой плиткой, сверкал, стены украшала красочная разноцветная мозаика, изображавшая сюжеты русских народных сказок.

Вокруг было удивительно пусто и безлюдно, лишь возле одной из кадок на маленьком вязаном коврикe дремал огромный пушистый трехцветный кот.

Почувяв нас, он приоткрыл один зеленый глаз, затем другой, лениво поднялся на все четыре лапы и сладко потянулся.

— Это тетка твой, — с улыбкой пояснил шофер, — Васькой кличут. Обжора, каких свет не видывал.

Кот меж тем сел на коврикe и принялся старательно вылизывать роскошную, рыже-коричневую с белыми пятнами шерсть.

— Ты обожди пока, — распорядился Геннадий Георгиевич, — я сейчас.

Он быстро подошел к двери, обитой толстым слоем дерматина, и скрылся за ней.

Я во все глаза смотрела на кота, который больше не обращал на меня ни малейшего внимания, продолжая заниматься своим туалетом.

— Кис-кис-кис, — тихонько позвала я его, — Васька! Иди сюда!

Кот повел усами в мою сторону и коротко, пискляво мяукнул. Я подумала, что голос не соответствует его представительному заносчивому виду. В это время дерматиновая дверь распахнулась, и Геннадий Георгиевич, высунувшись, поманил меня пальцем.

Я зашла в маленький квадратный кабинет с огромным окном с нарядными розовыми шторами. У одной стены кабинета стояла низкая кушетка, покрытая белоснежной крахмальной простыней, у другой — длинный узкий застекленный шкаф. В углу громоздился здоровенный письменный стол, заваленный кипой бумаг.

За столом сидела довольно молодая белокурая женщина с энергичным миловидным лицом, в белом халате и шапочке. На груди у нее висела трубка, какой слушают дыхание у больных.

— Проходи, не стесняйся, — обратилась ко мне белокурая. — Меня зовут Марина Ивановна Базарова, я главный врач интерната, а также его директор. А ты — Василиса, верно?

— Верно. — Я сделала пару нерешительных шагов вперед.

— Я пойду, — сказал Геннадий Георгиевич, — а то мне еще к завхозу нужно.

— Иди, Гена, — разрешила белокурая, — вечером загляни, дело для тебя есть.

— Так точно. — Шофер шутливо вытянулся по стойке «смирно» и скрылся в коридоре.

— Так, Василиса, — Марина Ивановна раскрыла лежащий перед ней конверт, тот самый, который усатая передала шоферу в больничном двореке, — давай-ка посмо-

трим, что там с твоим позвоночником. — Она вытрясла на стол два рентгеновских снимка и принялась тщательно изучать их.

— Ясно, — проговорила Марина Ивановна через минуту. — Подойди-ка сюда.

Я послушно приблизилась к столу.

— Вот, гляди сюда. Видишь, такой тонкий червячок? — указательный палец директрисы с коротко остриженным ногтем ткнул в дымчато-белую вертикальную линию на черном фоне. — Видишь? Это и есть твой позвоночник. Он немного искривлен, а должен быть прямым. Смотри — вот тут и тут есть затемнения.

Я замороженно глядела в то место, куда указывал палец Марины Ивановны, но ничего не видела, хоть убей. Ни затемнения, ни кривизны — обыкновенная прямая линия, окруженная светлыми лепестками. «Ребра», — догадалась я и покосилась на директрису.

— А теперь я покажу тебе другой снимок, — спокойно проговорила та и жестом фокусника извлекла из ящика стола еще один конверт, точь-в-точь такой же, как мой, — смотри, что бывает, если прогрессирующий сколиоз не лечить.

Я взглянула на снимок, ожидая снова увидеть тоненькую линию, но ее не было. Вместо нее во весь листок горбился крючок, похожий на вопросительный знак.

— Знаешь, что это такое? Горб. — Голос Марины Ивановны прозвучал неожиданно сурово и жестко. — Самый настоящий, который мешает расти, а потом и двигаться. Это снимок одного двенадцатилетнего мальчика, который, к сожалению, попал сюда слишком поздно. Теперь он навсегда прикован к инвалидной коляске. А начни лечить его чуть раньше, мог бы стать абсолютно здоровым. — Она немного помолчала, потом сложила снимки каждый в свой конверт и произнесла мягче: — Так-то вот, девонька. Болит спинка?

— Сейчас нет.

— Вот и прекрасно, — обрадовалась Марина Ивановна. — Случай у тебя не из самых тяжелых, все будет в порядке. Придется только походить в корсете, годик, ну, может, полтора.

Я смекнула, что корсет — это, видно, и есть та диковинная штукавина наподобие рыцарских лат, такие носили играющие во дворе дети.

— Завтра я осмотрю тебя как следует, сделаем повторно все анализы и закажем корсет, специально по твоей фигуре, — пообещала Марина Ивановна, — а сейчас тебе нужно отдохнуть, освоиться. Я позову Жанну, это наша сестра-хозяйка. Она проводит тебя в твою комнату, выдаст постельное белье и все необходимые вещи. Договорились?

Я кивнула.

Марина Ивановна нажала какую-то кнопку на столе. Через минуту в кабинет вбежала совсем молоденькая симпатичная девушка, также одетая в белоснежный халат и шапочку.

— Что, Марина Ивановна? — проговорила она, слегка запыхавшись.

— Жанночка, это новенькая. Зовут Василиса, фамилия Демина. Отведи ее на второй этаж в пятую палату, расскажи, что да как, помоги устроиться.

— Хорошо, Марина Ивановна. — Девушка весело глянула на меня смешливыми карими глазами. — Идем со мной!

Мы вышли в вестибюль. Коврик под кадкой был пуст, кот Васька успел уйти по своим делам.

— Нравится тебе у нас? — спросила Жанна.

Я неопределенно пожала плечами.

— Ну ничего, — беспечно проговорила она, — еще понравится. Обязательно, вот увидишь. Воспитатели — чистое золото, все как есть добрые, даже голоса никогда не повышают. Кормят так, что пальчики оближешь, повари-

ха тетя Катя в интернате уже десять лет работает, и ни одной жалобы на нее за все время не было. Марина Ивановна, правда, строгая, — Жанна хитро улыбнулась, — но это для вашего же блага. Если режим не соблюдать, никогда не поправится, ясно ведь?

— Ясно, — согласилась я.

— А раз ясно, вот и прекрасно, — зарифмовала Жанна и распахнула передо мной дверь на лестницу. Рядом со ступеньками тянулись два длинных желоба для колясок.

Второй этаж разветвлялся на два коридора. С того, что был левее, отчетливо тянуло запахом манной каши, но не таким, как в больнице. Тот вызывал отвращение и тошноту, а этот был ароматным, сладким и приятно щекотал ноздри. У меня тут же рот наполнился густой слюной. Я сглотнула ее, затем еще и еще.

Жанна заметила, как я принимаю, и кивком указала налево:

— Там у нас столовая. Ты что, голодная?

— Н-нет, — не очень уверенно ответила я.

— А чего слюнки глотаешь? — засмеялась девушка. — Так и быть, определяю тебя на место да отведу к тете Кате. У той каша с завтрака осталась, она тебя накормит. А то до обеда еще целый час.

Она повела меня от чудесного запаха направо по коридору, мимо дверей с табличками «1», «2», «3», «4». Возле палаты под номером пять Жанна остановилась.

— Добро пожаловать в свою комнату. — Она толкнула дверь, и та бесшумно открылась. Я заглянула вовнутрь и застыла от изумления.

Палата была огромной, так, по крайней мере, мне показалось с первого взгляда. Непривычно высоко над головой — чисто выбеленный потолок, прямо напротив двери сверкали вымытыми стеклами два больших окна.

46 У стен стояли низкие деревянные кровати. Всего их было

четыре, каждая аккуратно покрыта новеньким пикейным покрывалом.

Угол стены над одной из кроватей украшали многочисленные вырезки из журналов с изображением эстрадных певцов и артистов, над другой одиноко и скромно висела иконка Казанской божьей матери.

На полу лежал пушистый малиновый ковер, у подоконника стоял широкий прямоугольный стол со стопками книг, тетрадок, альбомов.

Наконец, завершала все это великолепие висящая под потолком стеклянная люстра в форме ромашки.

Я стояла, разинув рот, не в состоянии поверить, что здесь мне отныне предстоит жить. Никогда раньше я не видела такой ослепительной, сияющей чистоты и порядка, не считая двух недель, проведенных в больнице. Но если тамошняя чистота, неизменно соседствовавшая с едким запахом хлорки и лекарств, была тоскливой и холодной, то эта излучала покой, уют и теплоту.

Здесь, в этой светлой, залитой солнцем, комнате хотелось остаться так надолго, чтобы даже не думалось о том времени, когда придется уходить.

Жанна спокойно стояла в сторонке и терпеливо ждала, когда я справлюсь с обилием новых впечатлений.

— Ну теперь тебе точно понравилось, — уверенно произнесла она, глядя на мою просветлевшую физиономию. — Глазки блестят, и даже щеки малость порозовели. Вон твоя кровать. — Жанна подошла к окну и откинула легкое бежевое покрывало. Под ним оказался чистенький матрас в веселый голубой цветочек. — Сейчас принесу тебе постель, полотенце, мыло и зубную щетку. Душ в конце коридора, но ты пока туда не ходи, подожди до вечера. После обеда воспитательница ходит с тобой в кладовку, подберете там одежду и обувь. Да, и вот еще что: в шкаф вешай только то, что носишь в помещении, а куртку, шапку и сапоги надо оставлять в гардеробе. Это в самом

начале коридора, я тебе после покажу. — Она проворно скрылась за дверью.

Я постояла немного, переминаясь с ноги на ногу, затем приблизилась к своей кровати и осторожно присела на краешек. Матрас оказался неожиданно жестким, словно внутрь матерчатого чехла был засунут кусок фанеры. Однако мне все равно понравилось сидеть на постели — своей собственной, а не казенной, больничной. Дома я спала на старом разваливающемся диванчике, подстилая под себя серую дырявую простыню и укрываясь колючим армейским одеялом отца. Здесь одеяло было байковым, мягким и лежало в изголовье кровати.

Пока я сопоставляла домашние и интернатские условия, вернулась Жанна, неся стопку пахнущего свежестью крахмального белья и пакет с туалетными принадлежностями.

— Стелись, и пойдем в столовую: тетя Катя тебя уже ждет.

Она быстро помогла мне натянуть простыню, вдеть одеяло в пододеяльник, засунула подушку в цветную наволочку и накрыла кровать покрывалом.

— Учись, чтобы выходило красиво и аккуратно. У нас по утрам проверки, если заметят непорядок, заставят перестилать. Из столовой в палату ничего не носи, даже хлеба, а то Марина Ивановна ругаться будет. Ну, идем.

Сказать по правде, мне не очень хотелось покидать палату, но дразнящий запах манной каши долетал даже сюда.

Я оставила куртку в палате в нарушение строгих правил и последовала за Жанной в столовую.

Там, на одном из столиков, покрытых клеенчатой скатертью, действительно стояла и дымилась большая глубокая тарелка. На самом верху густой молочно-белой массы плавал ярко-желтый кусочек растопленного масла.

Я расправилась с кашей за каких-нибудь полминуты, отчетливо ощущая, что могла бы съесть еще по меньшей

мере две такие тарелки. Впервые за последние несколько недель у меня проснулся аппетит — вчерашний обед был не в счет, тогда я просто силком запихивала в себя пищу впрок, про запас, давясь и захлебываясь.

Сейчас же я получала от еды небывалое удовольствие, наслаждалась ею. Вдобавок к каше Жанна принесла мне полный стакан горячего какао, которое я пила всего пару раз за свою жизнь, угощаясь у Макаровны.

— Ну что, сыта? — с улыбкой спросила Жанна, когда я допила последний глоток и в блаженстве откинулась на спинку стула.

— Сыта.

— Небось теперь и обедать не будешь? То-то мне влетит от Марины Ивановны.

— Буду обедать, — поспешно ответила я.

— Смотри! — Жанна шутливо погрозила пальцем. — Давай-ка одевайся, пойдем во двор. Наши еще гуляют, так что познакомишься со всеми, так сказать, вольешься в коллектив.

6

Во дворе вовсю шла активная и дружная игра. Играли в «ручеек»: стояли по двое, высоко подняв руки, а по живому коридору продвигался водящий, разбивая какую-нибудь пару.

Непривычным было то, что в забаве запросто участвовали ребята в инвалидных колясках. Когда такой «вода» ехал вдоль вереницы пар, остальные участники игры размыкали сцепленные наверху руки и делали друг от дружки шаг каждый в свою сторону. Таким образом «коридор» расширялся настолько, что коляска легко могла по нему проехать.

Я стояла на крыльце рядом с Жанной и с любопытством наблюдала за играющими. Все они выглядели веселыми и довольными, громко переговаривались между со-

бой, смеялись. Никто никого не обижал, не проявлял нетерпения или недовольства.

— Хочешь поиграть с ними? — спросила Жанна.

— Хочу.

— Ну так подойди, не робей.

Я спустилась со ступенек и медленно приблизилась к шумной ватаге. Когда осталось шагов пять, не больше, я начала понимать, что порядок и спокойствие царят здесь отнюдь не сами по себе.

В первой паре стояла высокая немолодая женщина, одетая в коричневое пальто и светло-бежевую вязаную шапочку. Она-то и командовала «парадом», негромко, вполголоса отдавая приказания типа: «Вова, отойди чуть вправо», «Наташа, не торопись, не волнуйся, мы тебя подождем», «Катюша, выбери Настеньку, что-то все про нее позабыли».

Дети слушались ее беспрекословно, и именно благодаря этому умелому, доброжелательному и ненавязчивому руководству игра с участием инвалидов ладилась, была веселой и интересной.

Высокая тут же заметила меня, выпустила ладошку мальчика, который стоял с ней в паре, и улыбнулась. Ее широкоскулое, некрасивое и грубоватое лицо, практически лишенное косметики, просветлело и стало моложе на добрый десяток лет.

— Ты кто будешь, милая? Новенькая?

Я кивнула.

— Дети, это новенькая, — тем же негромким, ласковым голосом объявила воспитательница. — Давайте спросим, как ее зовут.

— Давайте! — вразнобой ответило несколько человек.

— Как тебя зовут? — обратилась ко мне высокая.

— Василиса.

— Сказочное имя. Очень красивое. — Она протянула мне ладонь, широкую, с крепкими узловатыми пальца-

ми. — А я — Анфиса Петровна. Будем знакомы. Становись в пару, поиграй с нами.

Я послушно подошла к оставленному воспитательницей мальчишке. Тот был чуть ниже меня ростом, нос и щеки покраснелись от легкого морозца, на круглом, почти безбровом лице хитро и озорно поблескивали маленькие желто-карие глазки.

— Как ты сказала тебя зовут, Алиса? — тут же спросил он и цепко ухватил меня за руку.

— Василиса, — тихо поправила я.

— А меня Влад. Можно Владик.

Во рту у мальчишки не хватало нескольких зубов, и потому он заметно шепелявил, произнося «Алиша» вместо «Алиса» и «мошно» вместо «можно».

Я тяжело сходилась со сверстниками. У меня никогда не было не только настоящих друзей, но и просто хороших приятелей.

Нашей дворовой детворы я боялась и стыдилась: меня дразнили нищенкой, оборванкой, о моей матери вслух говорили, что она пьяная потаскуха, а отца называли сумасшедшим.

Когда на лестнице или у подъезда я замечала кого-нибудь из соседских ребят, то всегда старалась отвернуться в сторону и побыстрей прошмыгнуть мимо.

В школе я не была давным-давно, вся моя учеба ограничилась первым классом, а после мне стало не до того. Занятая поиском средств для матери, я все дни проводила на улице, а родителям было абсолютно все равно, учится их дочь или нет.

Как я уже упоминала, единственным близким мне человеком была старуха-соседка. Вот почему явный и неприкрытый интерес партнера по игре к моей персоне вызвал болезненное стеснение.

Мне ужасно хотелось, чтобы наш разговор продолжался, но я совершенно не представляла, что нужно говорить

и как вести себя. Поэтому я молчала как рыба, чувствуя себя полной и беспросветной дурой, отчаянно боясь, что беззубый плонет на меня и найдет себе другую пару.

Однако тот не обратил на мою немоту ни малейшего внимания и принялся перечислять имена и фамилии всех участвующих в «ручейке» мальчишек и девчонок.

— Вот это Катька Анисимова, она тоже только недавно пришла, это Соня Голубева — у нее компрессионный перелом позвоночника, с велосипеда упала. Это Колька Зеленчук, у него что-то врожденное, а этот, в синей куртке, Митя Караманов. Он лучше всех в интернате в шахматы играет.

Я слушала, как он шпарит взрослыми и мудреными словечками вроде «компрессионного перелома», и потихоньку балдела от счастья.

Надо же, такой умный, осведомленный, и стоит здесь со мной, крепко держа за руку, явно не собираясь никуда уходить.

Только я об этом подумала, как смуглолицая девчонка с черной челкой, спускающейся на лоб из-под голубой шапочки, разбила наши сцепленные руки и уволокла беззубого за собой, в хвост шеренги.

Я осталась одна и стала растерянно озираться по сторонам.

— Води, води! — закричало сразу несколько человек. — Давай, не тормози.

— Тише, тише, — тут же вмешалась Анфиса Петровна, — не надо никого подгонять. Василиса, иди выбери себе пару. Смелей, никто тебя не съест.

Я поколебалась и нырнула в «коридор».

— Выбери меня, пожалуйста! — умоляюще попросила белобрысая тощая девчонка, стоящая в паре с толстым, розовым, как поросенок, парнишкой. — Я не хочу стоять с этой бочкой!

Я покосилась на нее и прошла дальше.

— Эй, давай меня, — нахально потребовал пацан в синей куртке, кажется, тот самый, которого мой партнер назвал лучшим шахматистом, и грубо дернул меня за рукав.

— Обойдешься, — сквозь зубы пробормотала я, проskalзывая мимо.

Беззубый и девчонка с челкой стояли самыми последними. Я было протянула руку и вдруг замешкалась, застеснялась.

А вдруг он вовсе не хочет быть со мной в паре, ему нравится эта, в голубой шапочке, с красивым персиковым румянцем на высоких восточных скулах? Еще, чего доброго, станет смеяться надо мной, да и не только он один, но и все остальные.

Смуглолицая смерила меня тяжелым, пронизывающим взглядом, от которого сразу стало не по себе. Я уже хотела проскочить «коридор» насквозь ни с чем и начать поиск пары заново, как беззубый решительно шагнул вперед, едва не сшибив меня плечом.

— Ты... чего... — пролепетала я и тут же почувствовала, как мои пальцы сжала его теплая ладонь.

— О, я сегодня популярный! — весело заявил он смуглолицей и потащил меня прочь из «коридора».

Девчонка досадливо топнула ножкой и побежала вперед, к началу шеренги. Мы с Владом остались стоять последними.

— Ты всегда такая трусиха? — поинтересовался он, улыбаясь щербатым ртом.

— Почему это трусиха? — попробовала выкрутиться я.

— Побоялась меня выбрать. Я же видел, ты хотела, а в последнюю минуту испугалась. Так бы и прошла мимо.

Возразить было нечего. Я опустила голову и уставилась на ободранные носы своих ботинок.

— Да ладно, — тут же сжалился Влад. — Не переживай. Так даже лучше.

— Лучше? — не поняла я.

— Ну, что ты... это... застенчивая. Не люблю нахалок. — Он сказал это так запросто, совершенно по-взрослому, и почему-то мне сразу стало легко и спокойно. Я перестала дичиться и смущаться, почувствовала себя свободно и непринужденно.

К моему великому сожалению, в этот самый момент Анфиса Петровна хлопнула в ладоши и громко произнесла:

— Все, пора обедать.

Цепочка тут же распалась. Ребяшня гурьбой повалила к зданию. Кто-то нечаянно толкнул меня, в полуметре от моей ноги проехала коляска. Я отпрянула в сторону, невольно вырвав ладонь из руки Влада. Его тотчас оттеснили. Он попытался приблизиться, но ничего не вышло — между нами мгновенно оказалось множество народу.

Тогда Влад помахал мне рукой и весело прокричал:

— Потом увидимся! После обеда! В общей игровой.

Я поспешно кивнула, следуя за потоком, увлекающим меня в помещение.

В вестибюле толпа разделилась: часть ее потекла налево, в узкий коридор первого этажа, часть на лестницу. Я поднялась по ступенькам, разделась вместе со всеми в гардеробной и сунулась было в столовую, но там стояла толстая тетка в белом халате и заворачивала всех обратно:

— Еще не время. Погодите малость.

Ребяшня быстро разбежалась по своим комнатам, и вскоре я осталась у дверей столовой одна. Толстуха глянула на меня с сочувствием:

— Что, проголодалась?

— Да нет. — Я пожала плечами. — Недавно уже ела.

— А коли ела, ступай к себе в палату. Через десять минут придешь, — велела тетка.

Я послушно направилась к своей комнате. Несмело толкнула дверь, осторожно заглянула внутрь. Комната была пуста, в окно весело светило неяркое зимнее солнце.

Я отчего-то на цыпочках пробралась к своей кровати, присела на ее краешек, погладила пальцами подушку в тугой нежно-голубой наволочке.

Соседние тумбочки были уставлены массой всяких безделушек: куколками, картинками в простых деревянных рамках, керамическими вазочками. Мне тоже захотелось, чтобы мою тумбочку хоть что-нибудь украшало, но осуществить свое желание я не могла. У меня не было с собой абсолютно ничего, что принадлежало бы лично мне, — я так и не попала домой с того самого злополучного дня, когда вышла на улицу просить подаяние для матери.

Я тихонько вздохнула, утешая себя мыслью: может быть, ко мне сюда придет Макаровна и привезет какие-нибудь подарочки и гостинцы.

В это самое время дверь палаты распахнулась и на пороге возникла инвалидная коляска. В ней сидела бледная светловолосая девчонка, по виду моя ровесница, с большими печальными серыми глазами, опущенными длинными ресницами. За спинкой коляски стояла другая девчонка, румяная, скуластая и черноволосая, при взгляде на которую мне стало не по себе: я без труда узнала ту самую смуглянку, которая увела у меня Влада в «ручейке».

Девчонка тоже узнала меня, и миловидное личико скривилось в презрительной гримасе. Она толкнула коляску в палату и проговорила низким, надменным голосом:

— Ты глянть, Маринка, кого к нам принесло! Новеньку заселили, будь она неладна!

Светловолосая ничего не ответила. Ее огромные, потрясающе красивые глаза, казалось, смотрели сквозь меня куда-то вдаль.

— Девочка, а ты ничего, страшенькая! — с издевкой произнесла смуглая, морща аккуратный вздернутый носик. — Правда, Мариш, она уродина? Тошяя, как вяленая вобла, и такая же бесцветная. Фу, меня сейчас вырвет!

Ее подружка едва заметно качнула головой.

— Ладно тебе, Свет, уймись. Она же не виновата, что ее сюда распределили. — Голос у нее был тихий-тихий, начисто лишенный обертонов, — невнятный шелест.

— Ага, не виновата! А чего лезет, куда ее не просят? — Черноволосая Света мрачно зыркнула на меня темными, слегка вытянутыми к вискам глазами и покатила коляску с подругой к окну.

Меня не слишком ранили ее обидные слова. За свою недолгую жизнь я натерпелась насмешек и издевательств, привыкла к ним и переносила с завидной стойкостью, без лишних эмоций.

К тому же я сочла, что черноволосая абсолютно права в оценке моей внешности. Конечно, в сравнении с ней я настоящая замухрышка: жиденькие белесые волосенки, невыразительное, лишенное красок лицо, нескладная худая фигура. Куда мне до ладной, гладкой и румяной смуглянки!

Светка, ожидавшая другой реакции, еще больше разозлилась из-за моего молчания.

— Смотри, — ехидно проговорила она, с размаху плюхаясь на свою кровать, — на твоей постели раньше Танька спала. Она у нас каждую ночь матрас мочила. Ты понюхай — вот вонища-то должна быть! — Светка весело захохотала, брыкая стройными ножками, обтянутыми черными шерстяными колготами.

Я снова промолчала. Мне показалось, что десять минут, оставшиеся до обеда, уже миновали и можно покинуть палату с недоброжелательными соседками.

Я встала и, ни слова не говоря, направилась к двери.

— Вот и правильно, топай отсюда, — прокомментировала Светка и ласково обратилась к подруге: — Мариш, тебе обед сюда нести или в столовку поедешь?

— Сюда, — еле слышно прошелестела та, на секунду прикрыв глаза. — Хотя, вообще-то... я не голодна.

— Ерунда! — строго произнесла Светка. — Тебе надо питаться, иначе вовсе копыта отбросишь. Я сейчас схожу, через пять минут. Пусть только сначала эта мымра отвалит.

Она, конечно, имела в виду меня. Я не стала более искушать судьбу и скрылась в коридоре.

По правде сказать, я надеялась встретить в столовой Влада, но почему-то, сколько ни присматривалась, не смогла его увидеть.

Обед оказался таким же восхитительно вкусным, как и недавняя манная каша: наваристый жирный борщ, легкое воздушное пюре и котлеты. Вдобавок ко всему на третьем был клюквенный кисель, кисло-сладкий, с плавающими на поверхности розовыми шкурками от ягод.

По дороге из столовой меня окликнули:

— Василиса, постой-ка.

Я обернулась. Позади стояла Анфиса Петровна, в темном глухом свитере под самое горло и длинной, тоже темной, старомодной юбке. Волосы ее были собраны на макушке в тяжелый тугой узел.

— Нам с тобой надо подобрать одежду и обувь. — Она окинула озабоченным взглядом мою мосластую фигуру. — Пойдем.

Анфиса Петровна свела меня вниз по лестнице в кладовку. Это была довольно большая комната, полная разнообразных коробок и чемоданов. У стен стояли длинные вешалки, и на них были аккуратно, как в магазине, развешаны платья, юбки, брюки, а также пальто и куртки.

— Повернись-ка, — приказала воспитательница. Я послушно встала к ней боком, затем спиной. — Ой, какая худышка! Да тебе одежка нужна на восьмилетнюю, а то и еще меньше. — Анфиса Петровна ласково тронула меня за плечо. — Ты-то ведь постарше будешь? Сколько тебе?

— Десять. Скоро одиннадцать.

— Ну ничего. — Она ободряюще улыбнулась. — Мы тебя откормим. На вот, примерь это. — Ее руки ловко

и проворно стащили с вешалки одно из платьев, трикотажное, синее, в тонкую белую полоску. — Не стесняйся.

Я сняла свою штопаную водолазку и натянула то, что велела воспитательница. Платье было совершенно новым, мягкая ткань с теплым ворсом приятно облегла тело.

— Тебе хорошо. — Анфиса Петровна одобрительно кивнула. — Это будет домашнее. А для учебы вон то. — Она вытащила из коробки модную кофточку и приталенный джинсовый сарафан. — Как, нравится?

Я даже ответить не смогла, только кивнула, с восторгом глядя на красивую, чистенькую одежду. Как в сказке о Золушке, которую мне давным-давно читала Макаровна! А Анфиса Петровна и есть та самая фея-крестная.

Видно, физиономия у меня сделалась презабавная — воспитательница снова улыбнулась, потрепала меня по щеке и мягко проговорила:

— Ты меряй, меряй, вдруг не подойдет. Я тогда заменю. — Она помолчала немного, покусывая губы, а потом произнесла, понизив голос: — Как ты на Валюшку мою похожа, одно лицо, ей-богу. И возраст такой же... — Она хотела что-то добавить, но внезапно, точно захлебнулась воздухом, сделала судорожный вдох, махнула рукой и отвернулась к маленькому низкому окошку.

Я ощутила неловкость. Мне показалось, Анфиса Петровна плачет и хочет скрыть это от меня. Но нет: она обернулась, и лицо у нее было совершенно сухим и спокойным.

— Забирай одежду и ступай к себе, — проговорила она все так же мягко и ласково, — сейчас у нас тихий час, ложись, отдохни. А после полдника можешь заняться чем хочешь, почитать, поиграть. Игровая на третьем этаже, попроси девочек, они тебе покажут. Ты в какой палате?

— В пятой.

Воспитательница нахмурилась.